

В ситуации серьезного выбора каждый из нас оказывается наедине с собой. Этот факт Александр Евсюков высвечивает даже на уровне построения образов: сколько бы ни было в рассказе персонажей, в фокусе внимания — единственный главный герой.

Акцент на личной ответственности, от которой нельзя увернуться, делает первую (!) книгу молодого автора глубокой и взрослой.

Наталья УСАНОВА

МЕТКИ ПОКОЛЕНИЯ

Платон Беседин. Дети декабря. — М.: Эксмо, 2017. — 544 с.

Как нынче принято, издатель боится короткой формы и привычно объединяет повести в «роман». В книге Беседина их пять: «Стучаться в двери травы», «Дети декабря», «Воскрешение мумий», «Мебель», «Красный уголь». На обложке заявлено, что это «антивоенный роман», и это действительно так — там почти нет войны в прямом смысле этого слова. Его герои не находятся на передовой, это не ополченцы и не киборги, им не приходится стрелять. Наверное, наиболее точно характеризует книгу цитата про ночной обстрел, который переживает герой одной из повестей: «Казалось, где-то вдали грохотали взрывы, я вслушался, хотел разбудить отца... За взрывами раздалась стрельба, и я впервые слышал ее так близко. В груди у меня будто застыла река жизни, превратилась в лед. Я вжался в раскладушку, и без того проседающую, а выстрелы не прекращались... я ругал себя за трусость, но ничего не мог с собой поделаться, хотя даже не видел ни перестрелки, ни жертв; не мог найти силы, чтобы попытаться увидеть, — и вдруг все стихло». Вот эти взрывы вдали, от которых схватывает сердце, — это и есть война в романе. Но для большинства читателей она ведь тоже именно такая. Новостные репортажи, статьи, рассказы знакомых — рядом с ней и ее отголосками мы живем уже несколько лет.

Наиболее полно сокрушительная и бесчеловечная мощь междоусобной бойни проявляется в повести «Стучаться в двери травы». Разбомбленный дом подростка становится символом той уничтоженной единой родины, той мирной жизни, которая когда-то была. И даже если отремонтируют дом, то мертвые не воскреснут и боль не забудется. Но как жить дальше? Бабушка главного героя тоже пережила войну. «Пришли мы тогда домой. А все попалено. Одна хибара торчит. А так нема ничего. Люди сели на пожарище и сидят. Что делать? А старик этот, который нас спас, он говорит: „Жить надо!“» Бабушка делится пронзительной исповедью — слушаешь ее как будто вживую, искренне, просторечно, она рассказывает свою жизнь, трудную, как почти у всякого из того поколения. И эта жизнь становится для подростка свидетельством того, что и такой горький опыт преодолим.

В первой повести еще ощущается интерес автор к другим людям, их судьбам. Не каждому писателю дано увидеть Другого, понять его и посочувствовать. Собственное «Я» ближе к телу. Поэтому и ходят по современной русской прозе «альтер-эго» толпами, а простого человека встретить сложно.

Этот сборник не лишен нарциссичности, а также других фирменных черт бесединского стиля: многословности, избыточной рефлексивности при отсутствии интеллектуального наполнения. Как писал Кирилл Анкудинов в одной из рецензий, проза Беседина «вызывает тягостное чувство. Ее главный герой слишком много думает, при этом он — не интеллектуал. Неинтеллектуальное думанье изнуряет всех, и читателей оно изнуряет тоже». Пустопорожние мысли — мимоходом, методом акына — не вызывают ничего, даже отторжения. Социальные сети научили нас проматывать ненужный контент. Так поступаешь и здесь.

Названия повестей и всей книги — это цитаты из БГ, в тексте постоянно встречаются цитаты из песен рок-групп. Метки поколения, тату, которые уже не сотрутся, и свой должен узнать своего. Только вот если ты все время цитируешь кого-то, будут ли цитировать тебя самого?

Вторичность переходит в повторяемость и сюжетных линий повестей. Они будто отзеркаливают какие-то части друг друга. Есть открывающая книгу повесть «Стучаться в двери травы». Но «Красный уголь» практически о том же — о взаимоотношениях двух поколений, и центральное место занимает в ней опять же исповедь и смерть, на этот раз деда Фомича. Вновь использован тот же прием. При этом снова дубль: в рассказе фигурирует не только родной дед главного героя, но и старик, знакомый по госпиталю. Два дедушки — это, конечно, хорошо, но не слишком ли об одном и том же?

И хотя главные герои четырех повестей — это друзья одного круга, и они упоминаются то там, то сям, как бы стягивая разные тексты в один «роман», но, по сути, все эти мужчины — один и тот же человек. Автор, который, к сожалению, не смог переключиться с себя самого. И вот герои то едут в Киев, то разводятся с женами, то пьют, то ходят налево и так далее — все по какому-то одному сценарию. В определенный момент охватывает недоумение. За эти несколько лет перед нашими глазами прошли сотни и даже тысячи сюжетов, статей, фотографий, постов, рассказов друзей — из первых уст о том, как жили под огнем, как разваливались семьи, как умирали любимые и родные. Кошунственно думать, что все это могло бы стать прозой. Но почему все-таки Беседин пишет не о них, а о довольно невзрачных, почти не вызывающих сочувствия героях, почему ставит их в ситуации, в которых они слабо проявляют себя? Получается не о главном. Не о настоящем. Хотя оно вполне может быть и в обычной жизни, необязательно на поле боя, в госпитале или на раздаче гуманитарной помощи. Война глазами «простых людей», «маленького человека»?

Но как роман «Учитель» не был «панорамой крымской жизни во времена Украины», так и «Дети декабря» — не документальное свидетельство войны. А почему — поясняет монолог героя повести «Красный уголь»: «Бойня на Донбассе — там жил дед, там родился отец, — конечно же, взволновала, изломала меня, но, не ощущая ее в полноте, в глубине своей, не находясь там, я избегал разговоров о ней, потому что каждое сказанное слово, так мне казалось, рождал новый виток ненависти между теми, кого реально терзала война... Каждое слово, произнесенное не оттуда, из пекла сражений, мне казалось пустым, фальшивым, брошенным ради выгоды или самолюбования. Потому я уходил в сторону, нося войну в себе, как дефект».

И тексты становятся тем инструментом, посредством которого автор изживает свой личный опыт. В котором весь мир — это и есть война, и с ним ежедневно приходится воевать. Выходить на темные, грязные улицы Севастополя, где тебя обязательно изобьют и ограбят, возвращаться в собственную квартиру — где тебя унижат и оболгут, спорить и бороться с родителями, женой, детьми, работодателем, коллегами, соседями по двору. Вот такой он — «антивоенный» роман.

Внимательный читатель заметит, что одна повесть сборника стоит особняком. Уже в предыдущей книге Беседина «Учитель» описание прорывов инферно в наш мир (а может, и легального его существования по эту сторону) показалось мне довольно неординарным ходом. На фоне нескончаемой заунывной рефлексии главного героя охота на курву и нетопырей воспринималась эффектно. В «Мебели» концентрация и нарастание инферального достигает завершенности, цельности. В этой повести автор максимально абстрагируется от себя-прототипа. Эта отстраненность позволяет взглянуть на главного героя — вполне себе простого человека с говорящей фамилией Смятин — совершенно другой оптикой. Личный опыт переходит на

иной, более высокий уровень, который уже становится литературой. «Мебель» — лаконичный, с точными деталями текст, где четко и убедительно выстроена драматургия происходящего, где мотивация героя достоверна. Мы воочию наблюдаем, как мистика тьмы проступает в обыденном. Вымысел? Галлюцинации? А может быть, правда, когда свою душу — вот так? Платон часто цитирует слова Достоевского: «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». И «Мебель» — как раз убедительная история такого сердца.

Но в целом от книги остается чувство, что герой, который на всем ее протяжении ехал куда-то — через КПП, ночные автовокзалы, провинциальные городки, улицы Киева, снега, — никуда не приезжает. Для него нет точки сборки.

А может быть, он просто стоял на месте. Ведь от себя и от своей войны уехать невозможно.

Мария СКРЯГИНА